

Буржуазно-демократическая сатьяграха

Bourgeois-Democratic Satyāgraha

Ощепков М.Ю.

канд. техн. наук, Новополоцк, Беларусь

e-mail: ashchepkau@gmail.com

Ashchepkau M.Yu.

Candidate of Technical Sciences, Novopolotsk, Belarus

e-mail: ashchepkau@gmail.com

Аннотация

С позиций глобально-стадиальной концепции истории Ю.И. Семёнова формирование политической белорусской нации рассматривается как процесс стремительной трансформации общества из метастабильного состояния, порождённого противоречием между потребностью технологичных производительных сил в сетевой структуре экономики и вертикальными производственными отношениями авторитарного неополитаризма, опирающегося на бюрократический капитал и порождающего специфические формы отчуждения, включая «банальность зла». Всенародное движение «за честные выборы» показано, как явление сетевой самоорганизации политарной параформации, получившей эволюционный потенциал вследствие социорной индукции. Для описания приводимых примеров коллективных эффектов общественной самоорганизации привлечены, в противовес порождённой ложным сознанием «теории заговора», материалистические гипотезы А.А. Пелипенко о субъектности культуры и несемантической полевой трансляции культурных интенций. Проводится аналогия между мирным освободительным движением «за честные выборы», движущей силой которого стали гуманистические ценности и стремление к европейскому конституционализму, и гандистской антиколониальной сатьяграхой. Делается вывод о фундаментальности произошедшей перемены белорусского общества.

Ключевые слова: Беларусь, социор, бюрократия, капитал, политаризм, отчуждение, эксплуатация, трансформация, индукция, эволюция, самоорганизация, культура, ценности, право, демократия, свобода.

Abstract

From the standpoint of the Yu.I. Semyonov's global-stage concept of history, the formation of the political Belarusian nation is considered as a process of rapid transformation of society from a metastable state generated by the contradiction between the need of technological productive powers in the network structure of the economy and the vertical production relations of authoritarian neo-politarism, based on bureaucratic capital and generated specific forms of alienation, including "The banality of evil". The nationwide movement "for fair elections" is shown as a phenomenon of the network self-organization of a politaric paraformation, which has acquired an evolutionary potential in a result of socioral induction. To describe the shown examples of the collective effects of social self-organization, in contrast to the "conspiracy theory" generated by false consciousness, the materialistic hypotheses of A.A. Pelipenko on the subjectivity of culture and non-semantic field translation of cultural intentions are used. An analogy is drawn between the peaceful liberation movement "for

fair elections", which was driven by humanistic values and the desire for European constitutionalism, and the Gandhian anti-colonial satyāgraha. The conclusion is made about the fundamental nature of the changes in the Belarusian society.

Keywords: Belarus; socior; bureaucracy; capital; politarism; alienation; exploitation; transformation; induction; evolution; self-organization; culture; values; law; democracy; freedom..

Момент социальной бифуркации – не самое подходящее время для раздумий, требующих спокойной вдумчивой объективности. Однако попытаемся, находясь здесь и сейчас, бросить широкий взгляд на бурные процессы, будто бы внезапно вскипевшие в нашей дивной стране, лежащей на разломе цивилизаций. Применим для этого оптику материалистического понимания истории, стараясь не впасть в редукцию историцизма, но следуя эволюционному мировоззрению просвещённого гуманизма.

Мина, мина, шекель и полмины

С печальным равнодушием миллионы белорусов ожидали очередных президентских выборов, ибо всем заранее ясно было, что опять обманут, а то ещё и побьют. Но вдруг – как много событий за эти долгие месяцы происходило внезапно! – на Youtube неожиданно возник самый взаправдашний буржуа. Добродушный банкир не излагал никакой программы, а, осторожно огибая острые углы, говорил простые вещи: что стране как воздух нужна сменяемость власти, что стагнирующей экономике срочно требуется реанимация, что везде и во всём должен главенствовать закон, что у штурвала должен стоять квалифицированный менеджер, что его опыт и знания гарантируют отсутствие потрясений, что белорусам на роду написано дружить и с Востоком, и с Западом... Затаив дыхание, народ смотрел и сравнивал: так-так, умеренный центрист, сам вырос в любящей семье и создал свою дружную семью, получил превосходное образование, меценат, эффективный организатор, уважаемый руководитель, понимает госаппарат, имеет вес в финансовом мире и крепкие связи в бывшей метрополии, ясно и последовательно излагает мысли, не употребляет язык ненависти, не демагог, не популист, «я бы доверил ему свою зубную щётку»... Тот ещё продолжал что-то втолковывать, но больше его никто не слушал, ибо за спиной улыбчивого полноватого банкира на белёной кирпичной стене невидимый луч лазерного проектора уже начертил отчётливые письма: мене, мене, текел, упарсин.

Бюрократический капитал

Чтобы понять, почему Лукашенко не вышел на ринг и с треском проиграл Бабарико до начала выборов, следует задаться вопросом, ответ на который призван старательно ретушировать весь многочисленный отряд штатных идеологов и пропагандистов: а какой, собственно, строй оказался сформирован в Беларуси за четверть века стабильности? К какой формации ныне принадлежит недавно сбросившая колониальный гнёт европейская держава? Какие системные противоречия подняли в ней цунами мирных протестов?

Проще всего было бы сослаться на полученный нами в наследство от Российской империи азиатский способ производства – выделенную Марксом формацию этатистского «всеобщего рабства». Однако со времён бородатого призрака в мире произошло столько изменений, что истматовская классификация многим кажется безнадежно устаревшей, хотя сама диалектическая методология продолжает успешно применяться при изучении сверхсложных социокультурных систем, примером чему служит глобально-стадиальная историческая концепция

Ю.И. Семёнова. В ней вводится понятие социально-исторического организма – социора, позволившее детально рассмотреть эволюцию азиатского способа производства и, в частности, становление и упадок советского индустрополитаризма [1]. В рамках данной понятийной системы новое белорусское общество можно отнести к авторитарному неополитаризму, характеризующемуся при наличии квазидемократических институтов существенным преобладанием государственной собственности на средства производства, т.е. собственности, коллективно принадлежащей эксплуататорскому классу бюрократической номенклатуры.

Несменяемый белорусский правитель никогда и не скрывал неразрывной, в его представлении, связи государственной власти с капиталом. Помнится, когда он на заре правления однажды выступал перед коллективом превращённого в акционерное общество приборостроительного завода, то молодой инженер, простоудушно предложивший раздать акции трудящимся, получил в ответ истеричную отповедь: «Я вижу, куда вы клоните! У кого собственность – у того и власть!!!». С тех пор по сути ничего не изменилось – и в 2020 г. он повторяет кредо: «Власть не для того дается, чтобы ее взял, бросил и отдал». Что ж, ему есть, что защищать с автоматом: более 98% акций крупных промышленных предприятий, составляющих костяк экспортно-ориентированной белорусской экономики, находится в руках бюрократического класса, и это только верхушка айсберга. Сам факт аномально долгой несменяемости данного актора свидетельствует, что оторванная от национальной культуры президентская республика создаёт благодатную почву для взращивания бюрократического капитала, опирающегося на деформированные политические институты и репрессивную машину государства, сливающихся в единую авторитарную вертикаль.

После закономерного краха псевдонаучного марксистского провиденциализма, а вместе с ним – и советской политарной империи, в освободившихся странах на фоне острого постколониального синдрома возникли своеобразные системы, разнообразившие дивергентный веер современных социоров. Исследователи компаративного капитализма ныне далеко вышли за пределы дихотомии либеральной и координируемой рыночной экономики и на примерах бывших стран соцлагеря активно изучают возникающие метаморфозы, выделяя различные модели: либеральную англосаксонскую (Чехия, Венгрия, Эстония), координируемую континентальную (Латвия, Литва), девелопменталистскую (Польша, Словакия), а также «коктейльный капитализм» (Словения, Болгария, Румыния). В самой России и в близких ей странах с развивающимися рынками возник неэффективный в долгосрочной перспективе клановый капитализм с присущими ему патрон-клиентскими отношениями и внутриэлитным противостоянием за обладание ресурсами [2, с. 13], а по классификации Семёнова – периферийный паракапитализм. Беларусь Семёнов, понимающий под независимостью независимость от ортокапиталистического центра, ошибочно относит к «независимой периферии», очевидно, не учитывая её вассальной зависимости от периферийного российского капитала и степени присутствия на глобальных рынках.

В Беларуси неополитарная система укреплялась более двух десятилетий, неумолимо сокращая пространство гражданских свобод вплоть до садистских массовых избиений и опутывания площадей столицы колючей проволокой. Почему? Коротко говоря, потому, что высокий уровень вовлечённости страны в международное разделение труда требует квалифицированных специалистов. Вследствие этого классическое противоречие между трудом и капиталом приобретает отчётливый белорусский акцент: политаристы нуждаются в

креативном классе и в образованном пролетариате, но приобщение к знанию автоматически формирует критическое мышление и развивает научное мировоззрение. Образованным народом нельзя манипулировать, цветущая сложность европейской гуманистической цивилизации продуцируется демократической самоорганизацией общества, динамическое равновесие которого стабилизировано правовым консенсусом. Бюрократическая страта открытого общества выполняет множество системообразующих функций, но средства производства не находятся в её собственности, а вовлечение в бизнес зачастую преследуется по закону.

Белорусский политаристский класс эксплуататоров, наоборот, является коллективным бенефициаром громоздкого технологического наследия империи. Непомерно раздутой, страдающей хронической кредитоманией бюрократической вертикали приходится мириться с неизбежными потерями эффективности производства, но предпочитать послушных тружеников свободомыслящим. Политаризм, вынужденный поддерживать сравнительно высокий уровень профессионального образования, одновременно стремится всячески ограничить развитие национального самосознания и гражданскую политическую активность трудящихся, культивируя конформистский социальный мауглизм и проводя тщательную селекцию оппортунистов, готовых послушно участвовать в имитации демократических процедур, единственная цель которых, как остроумно заметил Зиновьев, – это «выявить несогласных и принять меры». Выдавливание пассионариев из реальной политической жизни неизбежно порождает духовно разлагающее двоемыслие советского образца. Ещё более негативным атрибутом политаризма является отчуждение, имманентно присущее капитализму в целом, а в особенности – бюрократическому госкапитализму, где оно приобретает разнообразные изощрённые формы – от вялой социальной апатии колхозников до массовой эмиграции трудолюбивой талантливой молодёжи. Вероятно, наиболее общественно опасной формой отчуждения стала «банальность зла» – отчуждение правоохранителей от права, готовность служителей закона механически выполнять безнравственные приказы политаристов, с лёгкостью покидающих эфемерное правовое поле, когда под угрозой оказывается бюрократический капитал.

Итак, противоречие между производительными силами технологичной экономики и политарными производственными отношениями привело к появлению специфических форм отчуждения труда, влекущих низкую эффективность белорусской модели, в которой умножение бюрократического капитала происходит преимущественно посредством сверхэксплуатации устаревших, доставшихся в наследство от СССР, средств производства, а весьма скромные успехи объясняются не модернизацией, а кредитной поддержкой извне. Тем самым производственные отношения тормозят развитие производительных сил, что особенно отчётливо выражается в недопустимо низкой наукоёмкости ВВП и в чахлам состоянии зародившихся научно-промышленных кластеров.

Промышленность, ориентированная на экспорт продукции высоких переделов, априори должна быть наукоёмкой. У экономистов сложилось убеждение в том, что при наукоёмкости ВВП менее 1% в течение 5–7 лет начинается разрушение научно-технического потенциала страны, что неизбежно снижает её конкурентоспособность на мировых рынках. В Беларуси за период более 10 лет изначально низкий уровень финансирования науки (0,75%) к 2016 г. достиг минимума в 0,5%. Наметившийся было слабый рост сталкивается с кадровой проблемой, а главное – с низкой восприимчивостью политаризма к инновациям. Инновационно активные организации и предприятия промышленности страны составляют 28,2% от общего числа производственных

субъектов. Это в несколько раз больше, чем в странах ЕАЭС, но для стран ЕС в среднем характерен существенно более высокий показатель – 41,5% [3, с. 32]. Бюрократический капитал, удерживая науку на голодном пайке, пилит сук, на котором сидит.

Последнее справедливо и в отношении кластерного строительства, которое, несмотря на методическую поддержку Минэкономики, очевидную пользу для регионального развития и вероятную помощь от европейских программ кластеризации, сталкивается с непреодолимым вязким сопротивлением бюрократии. Этому есть онтологическая, если так можно выразиться, причина, а именно существование двух наиболее обобщённых типов экономик – вертикальной и сетевой [4]. Кластеризация сегодня охватила более 70% промышленности в странах капиталистического ядра, поскольку, будучи построенной на принципах кооперационного сетевого взаимодействия участников, соответствует самоорганизующимся структурам буржуазной демократии и развивается в диалектическом единстве с её динамичными общественными институтами. Данный принцип органически чужд закостенелой авторитарной вертикали, исповедующей идею «ручного управления экономикой» как наиболее релевантную сущности политаризма.

Метастабильность

Если отфильтровать поток оксюморонов популистской демагогии, то обнаружится, что единственным идеологическим вектором белорусской вертикали является стабильность, т.е. сохранение средств производства в руках бюрократии. Насколько же стабильна персоналистская неополитарная система, консолидированная авторитарной вертикалью? Удерживать равновесие политаристам помогают три подпорки: манипуляции общественным сознанием, насилие и альянс с Россией.

Пребывая в уверенности, что общественное сознание порождает общественное бытие, номенклатура с целью стабилизации статус-кво пускает в ход манипулятивные техники государственного корпоративизма. Например, значение партий как выразителей политических интересов общественных страт принижено настолько, что даже оппортунистическая партия власти «Белая Русь» выполняет чисто декоративную функцию. Подмена марионеточными структурами такого ключевого института гражданского общества, как свободные профсоюзы, сформировала через систему краткосрочных контрактов прекаритетные отношения между трудящимися и госбюрократией, препятствующие борьбе рабочего класса за экономические интересы и неразрывно с ними связанные политические права. Как ни абсурдно звучит, но даже правозащитные организации ныне выведены политаристами за пределы правового поля! Фатальные последствия для развития современного социума влечёт подавление академических свобод – этого гормона роста техногенной цивилизации. Дополнительным средством, сдерживающим формирование критического мышления, служит насаждение в религиозно толерантной Беларуси элементов православного клерикального государства, гротескностью своею напоминающих сюжеты Войновича и Сорокина.

Непременно следует привести важнейший пример манипуляций: нивелирование национальной идентичности белорусов посредством тотальной русификации и возведения дискриминационных барьеров для мовы. Экзистенциальное значение уникального семантического пространства для национального сознания подтверждается практикой государственного строительства в остальных бывших российских колониях, за исключением непризнанных или оккупированных анклавов. Показателем того, какую опасность

эксплуататоры видят в возрождении европейских ценностей национальной культуры, служит их непрерывная борьба с исторической белорусской символикой и топонимикой при упорном сохранении символов, памятников и названий, транслирующих патологические культурные коды советского тоталитаризма.

Там, где манипуляции общественным сознанием не срабатывают, политаризм без колебаний прибегает к насилию. Присвоение прибавочной стоимости позволяет эксплуататорскому классу содержать гипертрофированный силовой блок: по данным ООН, одних только милиционеров насчитывается около 1% населения РБ, что втрое превышает среднемировой показатель и примерно вчетверо – удельную численность полиции у наших ближайших европейских соседей. А ведь трудящиеся, помимо милиции, содержат множество иных силовых структур, поддерживающих устойчивость политарной автократии. Авторитаризм и полицейское государство – синонимы. Впрочем, Беларусь – не ефремовский Торманс, угодивший в infernalную западную глобальной госмонополии. Так называемые исчезновения политических противников, происходившие при становлении персоналистской вертикали, остались в прошлом. Ныне надолго «закрывают», как изящно выражается на фене правитель, только покусившихся на президентское кресло или на бюрократический капитал (что для политаристов равнозначно), а инертных законопослушных белорусов долгое время удерживало от протестов непрерывное давление авторитарной системы вкупе с мягкими (сравнительно с советскими временами) репрессиями, выпадавшими на долю «шелудивой массы», «горстки отщепенцев», «свядомых нацменов» и прочей политически активной публики. Однако когда поднялось всенародное мирное сопротивление беззаконию – власть немедленно применила демонстративно зверскую, доходящую до убийств, жестокость.

Третья опора белорусского политаризма – поддержка «старшего брата», который некогда и всеял в белорусскую землю зёрна всеобщего рабства, обильно полив их кровью. Это не простая опора, а идейный стержень системы, без него первые две подпорки давно треснули бы под грузом реальности. Сегодня, когда выросло новое поколение белорусов, погружённых в глобальную информационную среду, повидавших мир, свободных от колониальных комплексов, имеющих гражданское достоинство, помнящих о европейском прошлом и устремлённых в европейское будущее, именно военно-политический альянс с близкородственным режимом обеспечивает устойчивость опорной треноги бюрократического капитализма непрерывной подпиткой кредитами энергоносителями. Всё глубже погружаясь в долговую яму, эксплуататоры откладывают решение болезненных проблем неизбежного реформирования экономики на неопределённый срок и тем самым затягивают страну в метастабильное, чреватое социальным взрывом, состояние.

Белорусам же метастабильность политаризма обходится самой дорогой ценой – утратой суверенитета. Последние события показали, что многовекторность внешней политики, предоставлявшая бюрократическому капиталу дополнительные степени свободы, с лёгкостью была отброшена автократией, которая открыто начала взывать к российской интервенции и для вящей убедительности принялась лязгать танковыми гусеницами у западных границ. Провоцируя дальнейшую неоколониальную экспансию российского империализма, режим готов полностью отгородиться от европейской цивилизации, мостом к которой Беларусь должна служить и географически, и исторически, и аксиологически, и экономически, и геополитически, и даже, если угодно – генетически. Необходимость во внешней экономической и военной поддержке показывает неспособность персоналистской вертикали к

саморазвитию, а следовательно – имплицитную нестабильность системы манипуляций и насилия, дошедшей до курьёзной необходимости последнюю инаугурацию проводить в тайне от обманутых избирателей.

У свободы женское лицо

Но не будем забегать вперёд, а вернёмся к добродушному банкиру – при всём уважении к иным кандидатам в президенты, которых за два десятилетия было немало, и каждый из которых внёс бесценный вклад в движение страны к свободе. Однако истории оказалось угодно, чтобы именно неожиданное появление Виктора Бабарико, буквально за несколько дней собравшего многотысячную инициативную группу, послужило зародышем стремительной спонтанной кристаллизации европейской политической нации из глубоко переохлаждённого атомизированного состояния, в которое долгие годы втягивала общество автократия. Народ, разом поверив в позитивные перемены, начал выстраиваться в километровые очереди к пикетам волонтеров, чтоб поддержать своих претендентов и искренне желая «просто провести честные выборы». Как бы не так!

Честные выборы при политаризме означают не рутинную ротацию руководства, и даже не утрату им сомнительной бюрократической ренты, а потерю эксплуататорами возможности распоряжаться многомиллиардными финансовыми потоками. Немыслимо! Именно поэтому народное желание честных выборов немедленно было расценено правителем как революция или переворот, которых он не допустит. Лукашенко, располагавший в начале затянувшегося президентства кредитом доверия и всеми возможностями своевременно, решительно и последовательно провести назревшую буржуазную трансформацию Беларуси, устранился от исторической миссии, сосредоточившись на преумножении бюрократического капитала и поддержании неустойчивого равновесия политарной системы. В конце его, упустив шанс стать великим реформатором, он потерял и возможность достойно покинуть политическую сцену, пожав руку и пожелав успеха Бабарико – а вместе с ним и всем белорусам.

Узкоклассовый интерес номенклатуры возобладал над необходимостью перемен во общее благо. Все сильные оппоненты были сбиты ещё на подлёте к избиркому. Бабарико подло арестовали с сотнями тысяч подписей в его поддержку, предъявив какую-то экономическую статью и заодно схватив сына, друзей и помощников. Любимая присказка белорусских бюрократов – «ну вы же сами всё понимаете». Да, мы понимаем, что Виктор Бабарико представляет не большую общественную опасность, чем любой другой банкир, что не он подмял под себя экономику, не он построил дюжину резиденций, не он водит странную дружбу с эмиратскими шейхами, не он густо усеял страну метастазами казино и «Табакерок». Мы понимаем, что пребывание в белорусской тюрьме равносильно пытке, что для давления на политзаключённых вдобавок к негасимому свету и ледяному карцеру припасены унижительные криминальные «статусы». Мы понимаем, что политзэков душат буквально по Оруэллу, стремясь сломить душу, расплющить любовь, расколоть дружбу. Да, мы сами всё понимаем. Всё понимали и творцы потрясающего действия, невероятного социального феномена, вставшие в славную когорту Поднимающих Знамя.

Какие силы вывели в авангард народного движения прекрасных молодых женщин, триумфально прошествовавших по радостно вздохнувшей стране? Они ведь, как и Бабарико, не излагали никакой программы, не призвали народ выходить на майдан или, упаси Боже, строить революционные баррикады. Уж кто-то, а хлебнувшие горя белорусы твёрдо усвоили, что крах государственных

институтов неизбежно влечёт за собою не анархический расцвет свобод, а бандитизм и геноцид. Народ, уставший от произвола авторитарной власти, дружно пошёл за кандидатами, призывающими действовать строго по закону и мирным правовым путём вернуть в страну главенство демократической конституции. Три никому не ведомых красавицы собирали многотысячные митинги именно потому, что предлагали «просто провести честные выборы». Системе лжи и насилия они объявили не войну, но – мирное гандистское сопротивление. Сатьяграху.

Откуда вдруг стремительно возникло движение «Честные люди», собравшее более миллиона участников и неопровержимо доказавшее, что честных-то людей не допускают ни в избирательные комиссии, ни в наблюдатели? Почему, невзирая ни на что, честные люди выстроились в длинные очереди к участкам и терпеливо ждали протоколов, благоразумно отправив фотографии бюллетеней для объективного подсчёта? Какой импульс толкнул их, убедившись в повсеместной краже голосов, отважно выйти в шортах и в маечках, в лёгких летних платьицах против вооружённых бойцов в тяжёлой амуниции, открывших огонь на поражение? Медицинская статистика первых дней протестов потрясает: несколько смертей, сотни боевых ранений у мирных граждан, тысячи тяжело пострадавших при массовых избиениях в застенках – и единственная «производственная» травма у омовца, вывихнувшего кисть руки! Какая тёмная сила принудила молодых людей в чёрных масках пытаться электрошокерами поставленных на колени своих бывших одноклассников, избивать лежащих до полусмерти дубинками, прогонять согнутых жертв сквозь «коридоры ада»? Чудовищный белорусский психологический эксперимент, несомненно, войдёт в учебники как пример той грозной опасности, которую несёт обществу конформистская готовность не просто выполнять, а старательно перевыполнять бесчеловечные приказы. «Отрыв права от морально-нравственных регуляторов ... чреват опасным подрывом фундаментальных основ человеческого общежития» [5, с. 7].

Но почему показательное зверство «правоохранителей» не смогло остановить смиренных белорусов? Крепла уверенность, что следующую массовую манифестацию ждёт расстрел.

И тут случилось чудо.

Маховик насилия затормозили девушки. Они встали вдоль улиц городов длинными цепями. В белых платьях, с букетами цветов. И омон растерянно опустил дубинки.

За девушками на улицы вышли врачи, увидевшие реальные последствия государственного террора. Вышли студенты, вышли артисты. И, наконец, грозно загудел рабочий класс. Через неделю после выборов невиданные манифестации захлестнули страну, всю расцветшую родными знамёнами:

Свабоды дух у нашым сэрцы не зачах,
Мы самі выбралі нялёгкі гэты шлях,
Узняўшы горда бел-чырвона-белы сыцяг.

Пагоня!

Народ одним махом вернул себе пространство политической свободы, стиснутое эксплуататорами до «чарки и шкварки». Как осмыслить этот взрыв жизни, где найти механизм непостижимой метаморфозы?

Наконец, чем объяснить решительность женщин, которым политаризм настойчиво прививал покорное принятие архаичных ценностей традиционного общества? Благородные белоруски дали достойный ответ патриархальному сексизму! Почему бесстрашно вышли они на мирные женские марши, что принесло скромнице Тихановской, неожиданно для неё самой вступившей в

борьбу вместо арестованного супруга, большинство голосов избирателей и стремглав забросило на арену международной политики?...

Социорная индукция

Политаристы, пытаясь растолковать телезрителям причины внезапного социального сдвига, привычно прибегают к редукционизму «теории заговора» и детально описывают сложную паутину интриг, которую годами плели западные кукловоды для доверчивых белорусов, пока, наконец, сперва запустив коронавирус, не нанесли коварный удар через Telegram. К счастью, мудрая власть мировой заговор вовремя разоблачила и объявила, что выборы – не главное, а главное – страну удержать. Чтобы подкрепить теорию практикой, она принялась грозить соседям войной, тем самым лишь подтвердив, что ради удержания в руках страны (сиречь бюрократического капитала) готова на всё. Военно-воздушные силы решительно пресекли попытку Литвы атаковать республику с воздуха, отправив на воздушных шариках незарегистрированный флаг. Во избежание дальнейших провокаций к западным границам незамедлительно были переброшены войска. Отныне вполне конкретные уголовные преступления (ст. 92 УК РБ – подлог документов по выборам, ст. 128 – пытки, ст. 401 – заведомо ложное показание и пр.) получили индульгенцию под предлогом конфликта цивилизаций!

Пытаться полемизировать с адептами теории заговора бессмысленно, ибо её алогичные конструкторы лежат в области веры, а не знания. Цивилизационные процессы обладают настолько высокой степенью сложности, что предвзятый теоретик всегда изыщет возможность по-своему подверстать трактовки фактов, произвольно отобранных в поддержку той или иной надуманной схемы. Важнее другое: сама структура подобных мыслительных паттернов, которым Энгельс дал определение «ложного сознания», имеющего целью скрыть антагонизмы между эксплуататорским классом и трудящимися, органически произрастает из имперской идеологии политаризма. Это подзабытое понятие истмата как нельзя лучше соответствует конспирологической мистификации авторитарного режима. «Человеку, интегрированному в вертикальную модель, носителю сакральной имперской идеологии, за видимой экспансией сетевой парадигмы видятся причины и мотивы, не характерные для нее, но имманентные империям. Так, он готов за рациональной, но децентрализованной сетевой активностью видеть происки никак эмпирически не представленного “мирового правительства” или “закулисы”, а за вполне реальными... финансами – “жидомасонский заговор”. Ему очень трудно понять и принять, что и система в целом, и отдельные составляющие ее “узлы” способны действовать рационально, не будучи управляемы из единого центра и не сверяясь с единственно правильной доктриной, и при этом демонстрировать большую эффективность, чем централизованная империя» [4, с. 28-29]. Сколь пародийно выглядят попытки реакционеров сымитировать фантастически креативные формы сетевой самоорганизации белорусов, избавившихся от морока «ложного сознания»!

Чтобы попытаться рационально осмыслить белорусское чудо, целесообразно двигаться от общего к частному. Наиболее общее объяснение метаморфозе предлагает эволюционизм, понимающий социальную форму движения материи как противоречивый процесс саморазвития разума, воплощённый диалектическим гуманистом Иваном Ефремовым в ярком художественном образе восхождения из инферно. В этом смысле общеизвестное выражение «царство свободы, расцветающее на базисе необходимости» не возвещает утопический идеал, а рисует подобный образ эволюции сознания. Отказывая истории в наперёд заданной цели, эволюционизм определяет основную

тенденцию, общее направление, градиент развития сверхсложной общественной системы: это свобода, влекущая умножение счастья через творческую деятельность человека. Опуская аргументацию, неуместную в данном размышлении, тезисно ответим критикам европоцентризма: гуманистические ценности Европы стали общечеловеческими не потому, что ортокапиталистический центр навязывает их периферии, а потому, что именно здесь произошёл необратимый эволюционный скачок и возникла общечеловеческая квинтэссенция рациональности – наука, избавляющая мир от «ложного сознания» религий и идеологий, ставшая основной производительной силой техногенной цивилизации и преумножившая сложность гиперсети пёстрого европейского общества, которое, обретя мощь знания, ускоренно следует эволюционному градиенту, через конфликты и катаклизмы нащупывая всему человечеству выход из инферно необходимости. Гражданин сетевой буржуазной демократии – самый свободный человек современности, а значит – и самый счастливый. Стоит ли недоумевать, что Беларусь, возникшая и выросшая в Европе, впитавшая культуру барокко и ренессанса, имевшая развитую правовую государственность (с поправками на историческую обусловленность её форм), органически стремится следовать европейским ценностям? Скорей достойно удивления то, что наша страна так долго служила колониальным буфером российского империализма!

Конкретизировать понимание произошедшего пробуждения гражданского общества помогает предложенная Ю.И. Семёновым теория глобального взаимодействия социально-исторических организмов, которые рассматриваются как объективные надындивидуальные сущности. Политарный социор автор, подразумевая человекомерный масштаб времени, относит к тупиковой формации, неспособной к эндогенной социальной трансформации. Однако когда одновременно с ним существующий супериор – находящийся на более высокой стадии развития социор – индуцирует в инфериорном организме процесс превращения в параформацию, способную к дальнейшему самостоятельному прогрессу, то тогда под действием уже чисто внутренних сил общество перемещается на «магистраль исторического развития» [6]. Так пограничная Беларусь, которая некогда была вырвана из европейского супериора и заперта в инферальной ловушке политаризма, под воздействием социорной индукции, многократно усилившейся с падением железного занавеса и информационным взрывом, приобрела эволюционный потенциал и трансформировалась в периферийную параформацию, готовую подниматься по градиенту социотехнологической коэволюции. Сдержатъ это движение теперь способно лишь насилие – но тем мощней окажется следующий рывок к свободе.

Наконец, можно наметить эмерджентные механизмы индуцированной самоорганизации общества, которая в кривом зеркале «ложного сознания» отражается как интригамасонской мировой закулисы. Очевидно, что новейшие коммуникационные технологии способствуют возникновению массы сетевых групп и объединений, но интернет служит лишь инструментом самоорганизации, не он формирует ценности, придаёт смыслы и устанавливает цели деятельности. Чтобы попытаться понять, почему «лёгкие касания» виртуальных сетей вызывают зримые коллективные явления, почему «идея овладевает массами» и приводит их в согласованное движение, приходится вступать на зыбкую почву гипотез, объясняющих взаимодействие индивидуального коннекта с суперорганизмом культуры. С этой целью А.А. Пелипенко вводит родственную понятию социора идею субъектности культуры, согласно которой «культурная система предстаёт уже не как чистое умозрение человеческого сознания, а как самоорганизующаяся онтология надчеловеческого, где языковые формы – суть внешние проекции ее

подсистем. Причем они воздействуют на человека не только семантически, но и нередко чисто суггестивно... Можно увидеть бесчисленное множество примеров того, как люди мыслят и действуют, подчиняясь надчеловеческому культурному императиву... Сколько раз в истории люди, независимо от их личных психологических свойств и убеждений, разницы в интеллектуальном и образовательном уровне и жизненном опыте, начинали вдруг мыслить и действовать в одном направлении! Сама многочисленность и повсеместность таких примеров всерьез убеждают в онтологичности культуры» [7, с. 53].

Далее А.А. Пелипенко выдвигает смелую догадку о полевом характере трансляции культурного опыта и приводит ряд аргументов в пользу концепта культурного поля. Развивая гипотезу, он приходит к мыслям, весьма близким к идее социорной индукции: «Культурное поле постоянно самоструктурируется, к его описанию можно применять такие характеристики, как центр и периферия. В культурной эмпирии проекция отношений центра и периферии предстает в виде паутины своеобразных смысловых узлов, “аттрактивных” семантических конструктов, которые “притягивают” и организуют вокруг себя смысловую периферию. Потому и принято считать, что коллективные “архетипические идеи” и соответствующие им культурные формы живут своей самостоятельной жизнью, воздействуя на человеческую ментальность» [8, с. 11]. Гипотеза о несемантической полевой трансляции культурных интенций, индуцирующих когерентные самосогласованные формы коллективной деятельности индивидов, задаёт возможное направление поиска онтологического обоснования ответов на поставленные в предыдущем разделе вопросы – в отличие от измышляющей объяснения *ad hoc* «теории заговора».

Политическая нация

Пожалуй, наиболее весомым аргументом в пользу утверждения, что движущей силой белорусского чуда служат гуманистические европейские универсалии, является очевидное отсутствие выраженной этнической компоненты в стремительном процессе кристаллизации нации. Согласно Ю.И. Семёнову, подчёркивающему несводимость национальной общности к этнической, нация есть явление политической жизни, идея национального единства зарождается вместе с капитализмом и оформляется в борьбе за свободу и независимость отечества. Так и народное освободительное движение «за честные выборы», по сути, завершает крах российского колониализма, а вместе с ним – и всей мировой колониальной системы, распаду которой положила начало гандистская сатьяграха. Стремление к правовой демократии объединило все слои белорусского общества, за естественным исключением бюрократической вертикали. Это убеждает, что свершился генезис нации, т.е. произошло её самоосознание, о необходимости которого так долго говорили патриоты.

Национальная идентичность произрастает из этнического самосознания и, становясь надэтнической формой солидарности, диалектически его отрицает. Примечательно, что этнокультурные проблемы, включая болезненный вопрос языковой идентичности белорусов, вообще не поднимались ни незаконно снятыми с выборов претендентами, ни массой протестующих, а благоразумно оставлены для спокойного правового решения. Противостояние с проводником российского империализма – авторитарным неополитаризмом – не сопровождается проявлениями русофобии или иных этнических фобий, вообще не присущих толерантному народу Беларуси, духовным стержнем которого долго служила Уния как институт межкультурного понимания в духе «когнитивной скромности». К сожалению, такое понимание напрочь отсутствует у верхушки

эксплуататорского класса, которая если не открыто ненавидит белорусскую культуру, то удерживает её в резервации.

Толерантность белорусов особенно проявилась в принципиально ненасильственном характере протестов. Весьма показательно, что, несмотря на жестокие задержания и избиения митингующих, в ходе всенародных демонстраций пострадала только одна витрина и несколько автомобилей, причём расколошматили стёкла дубинками сами правоохранители! Законопослушные образованные белорусы, несомненно, понимают, что «относительная стабильность старой, не обладающей эволюционным потенциалом системы – одно из условий успешного завершения ситуации перехода..., когда старые структуры, фрагментированные и деформированные, ослабленные, работающие в “пороговом” режиме, продолжают так или иначе функционировать, выполняя важнейшую роль – противодействия возможному регрессу» [9, с. 28]. Страна встала на трудный, но верный путь ненасильственной борьбы за свободу при сохранении государственных институтов и органов, поддерживающих безопасность социума. Сатьяграха – это мирный путь реформ, а не «разрушения старого мира до основания». Её посыл обращён к прогрессивной части государственного аппарата, которая видит и общее, и личное благо в том, чтобы вывести страну из ловушки авторитарного политаризма на демократическую магистраль исторического развития.

Увы, пока бюрократический капитал отвечает народу, мирно требующему закона, демонстративным беззаконием. Репрессивная машина остаётся в руках эксплуататоров, которые постепенно всё туже закручивают гайки: победительница выборов изгнана из страны, члены пытавшегося действовать в правовом поле Координационного совета оказались кто за рубежом, кто за решёткой, мирные марши протеста разгоняют водомётами, в автозаки уже тащат и девушек, и бабушек... Однако белорусы упорно продолжают сатьяграху, а вот все действия персоналистской вертикали, направленные на удержание власти, саму эту власть глубоко дискредитируют. После массовых фальсификаций полностью дискредитирована выборная система. Дискредитированы правоохранители, несомненно, понимавшие преступность своих действий, но добросовестно «лишь выполнявшие приказы». Дискредитирована прокуратура, закрывшая глаза на немотивированное насилие силовиков и пытки протестующих. Дискредитированы суды, включая конституционный. Дискредитирован покорно промолчавший парламент. Дискредитирована внешняя политика с её угрозами Западу и заискиванием перед «старшим братом». Дискредитирована даже армия, которую вынудили подавлять мирные манифестации. Окончательно дискредитированы госмедиа, убыточная деятельность которых изначально поддерживается дотациями и принудительной подпиской. Дискредитирован символ авторитаризма, несущий отчётливые тоталитарные коннотации – псевдосоветский красно-зелёный флаг, гордо реявший над автозаками и украшавший чёрные маски омонцовцев. Дискредитирован и государственный гимн, который палачи заставляли распевать истязаемых жертв. Всё это «от противного» доказывает фундаментальность произошедшей перемены белорусского общества.

Поскольку речь зашла о символах, уместно ответить на обвинения, предъявляемые национальному флагу, который в годы Второй мировой войны оказался вместе с народом зажат в тисках схватки тоталитарных идеологий и на него пала тень коллаборационизма – как на всех тех, кто под оккупацией пытался бороться за белорусскую государственность. Да, война служит неиссякаемым источником трагических экзистенциальных оппозиций и неразрешимых моральных дилемм, дающих нынешним геббельсам поводы для

циничных пропагандистских манипуляций. Гордые узлы прошлого разрубает апелляция к авторитету – не как полемический *argumentum ad verecundiam*, но как детерминанта морального выбора через обращение к этическому идеалу. Бел-чырвона-белы сыяг стал знаменем сражавшегося с нацизмом писателя-фронтовика Василя Быкова – совести народной, под этим флагом вступила в политику великая народная исповедница – Светлана Алексиевич, этот флаг изображают народные художники, о нём слагают песни народные поэты, за него высказались академики – интеллектуальная элита народа. Именно его подняла сбросившая имперское ярмо Белорусская Народная Республика, именно он стал первым неподдельным знаменем Республики Беларусь и сегодняшним объединяющим символом демократического большинства. Невероятные белорусы показали всему свету, сколь убедительный, лаконичный, решительный образ выражает свободу и достоинство нации!

Новополоцк, Беларусь
Сентябрь – октябрь 2020 г.

Литература

1. Семёнов Ю.И. Россия: что с ней случилось в XX веке // https://sceptis.net/library/id_128.html
2. Лобанов М.М., Глинкина С.П. Разновидности капиталистических отношений в зарубежных странах с формирующимися рынками: проблемы типологизации и методологии исследования // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. – Т.36. – Вып. 1. – С. 7–26.
3. Шумилин А.Г., Щербаков С.С., Шлычков С. О результатах Комплексного прогноза научно-технического прогресса // Наука и инновации. – 2019. – № 12 (202). – С. 31–40.
4. Михайлов И.Ф. Две модели глобализации // Человек. – 2014. – №1. – С. 18–29.
5. Зорькин В.Д. Суть права // Вопросы философии. – 2018. – № 1. – С. 5–16.
6. Семёнов Ю.И. Курс лекций по социальной философии // <https://history.wikireading.ru/332223>
7. Пелипенко А.А. Культурная программа для Homo sapiens // Человек. – 2011. – №6. – С. 51-69.
8. Пелипенко А.А. Культура как полевое образование // Человек. – 2014. – № 2. – С. 5–17.
9. Хачатурян В.М. Неэволюционные изменения в пограничной ситуации перехода // Человек. – 2014. – № 4. – С. 19–31.